

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-2-6>

УДК 316.776.33

Attribution

cc by

КОНЦЕПТ ГЛОБАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА В СЕТЕВОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Коркия Э.Д.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В представленной статье постулируется тезис о том, что чем труднее в обществе выявить общие причины для существования глобального одиночества, тем более разнородные группы являются его носителями. Чем более разнородны эти группы, тем больше интереса они представляют для общества, и тем больше можно надеяться на существенные действия в направлении преодоления проблемы глобального одиночества. Социологический подход позволяет привлечь внимание к стратегическому уровню организационных процессов в обществе, основываясь на возможность полноты общественных интересов управленческих проекций.

Информационно – коммуникационное общество, которое можно признать, как маркер глобального одиночества, должно иметь в количественном и качественном выражении признаки влияния на социальную консолидацию. Также ради полноты описания феномена глобального одиночества следует отразить относительную и абсолютную значимость этого влияния на сетевое информационное общество.

Ключевые слова: глобальное одиночество, информационно-коммуникативное общество, мобильность, одиночество, сетевое общество, современные коммуникации, социальное пространство, стереотипизация,

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE CONCEPT OF GLOBAL LONELINESS IN A NETWORKED INFORMATION SOCIETY

Eka D. Korkia

Lomonosov Moscow State University

Abstract. This article postulates the thesis that the more difficult it is to identify common causes for global loneliness in society, the more heterogeneous the groups that bear it. The more heterogeneous these groups are, the more interest they represent for society, and the greater the hope for significant action to overcome the problem of global loneliness. A sociological approach draws attention to the strategic level of organizational processes in society, based on the possibility of comprehensive management projections addressing public interests.

An information and communication society, which can be recognized as a marker of global loneliness, must exhibit quantitative and qualitative evidence of its influence on social cohesion. Also, for a complete description of the phenomenon of global loneliness, the relative and absolute significance of this influence on the networked information society should be reflected.

Keywords: global loneliness, information and communication society, mobility, loneliness, network society, modern communications, social space, stereotyping.

Funding: Independent work.

Введение.

Современным направлением исследований наук о человеке все чаще становятся вопросы воздействия информационных технологий на нашу биологическую и социальную природу, когнитивные процессы, эмоциональную сферу, язык, психику, отношение к себе и к «Другим».

Эмпирически наблюдаемые изменения качества коммуникативного и в целом социального пространства (их системная совокупность) подлежат дальнейшему научному осмыслению [5].

В настоящем времени, технологическая информационно-коммуникационная среда является средством, ресурсом и областью формирования новых социальных практик.

В состоянии глобального одиночества «снизу» современного социума оказываются индивидуумы и группы, оказавшиеся в силу разных причин по «ту» сторону «цифрового барьера», за пределами современного цифрового коммуникационного пространства. Этого рода «исключенность» в большей степени относится к проблеме кризиса идентичности [12, с.303-307] в современной нестабильной, перманентно находящейся в состоянии кризиса социальной среде. Ведь качество личной самоидентичности, по определению

Э. Эриксона, субъективное чувство, также объективно наблюдаемое и непрерывности, постоянство некоторой разделяемой с другими людьми картины мира» [12, с. 210].

К категории глобального одиночества «сверху» мы относим виды одиночества, не касающиеся проблемы кризиса самоидентификации, но касающиеся проблемы индивидуальной и групповой самореализации.

Состояние глобального одиночества «сверху» в современном информационном обществе – это исключение общества из внутренней жизни человека, манипулятивное отношение к обществу как к объекту. Носитель такого отношения – человек, способный эффективно существовать в информационной среде, влиять на нее и изменять ее – современный пассионарий. «Чем более специфичен человек, тем менее он соответствует норме – как в смысле средней нормы, так и в смысле идеальной.

Свою индивидуальность люди оплачивают отказом от нормальности, а случается, и отказом от идеальности. Однако значимость этой индивидуальности, смысл и ценность человеческой личности всегда связаны с обществом, в котором она существует» [10, с.198].

Обсуждение.

Построение сложных социальных систем, базирующихся на информационных сетях (и функционирующих за счет их коммуникационных возможностей), зависит от степени гетерогенности социального «ландшафта», который эта сеть отражает. В техническом плане оно также зависит от распределенности качеств и свойств элементов сетевой структуры, посредством которых легитимизируется устранение барьеров общения внутри «глобальной деревни».

Форма систематизации знаний, призванная давать наиболее полное представление о мире – его общенаучная картина, включающая и упорядочивающая важнейшие научные достижения о различных свойствах и закономерностях бытия. В такую целостную и одновременно сложную структуру должны быть включены картины мира отдельных наук, которые в свою очередь, могут включать целый ряд различных концепций, причем обновляющихся и развивающихся.

Существующие универсальные истины, обнаруженные философией, физикой, математикой предлагают ориентироваться на наиболее базовую интерпретацию реальности, являющуюся предметом коллективного соглашения.

Развивая идеи теории индивидуальности Э. Эриксона [12, с.77] можно предположить, что ничем другим мы пользоваться все равно не можем, поскольку постигаем окружающее через сформированные паттерны наблюдения. Это «социальное подражание» дает нам уверенность в правильности наших действий, оценок и понимание самой карты реальности.

Роль общества в построении этой карты заключается в предоставлении плюралистических оценок,

интегральная характеристика которых призвана повысить для социализированного индивида качество его мировоззрения.

«Нильсу Бору принадлежит известное высказывание о том, что описать процессы, протекающие в окружающем мире, с помощью одного языка невозможно. Необходимо много разных языков описания, много разных интерпретаций, в каждом из которых отчетливо проявляются те или иные особенности изучаемого явления. Понимание, необходимое человеку в его практической деятельности, требует рассмотрения изучаемого предмета с разных позиций» [11, с. 338].

По мнению А. Эйнштейна, наша безопасность как живых существ, в первую очередь состоит в том, чтобы не ограничивать свой «разумошафт» [7, с.272] подменяя одним (или даже несколькими) интерпретирующими паттернами восприятия целостность реальности, в которой мы пребываем.

Для глобального одиночества «сверху» и «снизу» характерны различные механизмы доступа или его отсутствия к источникам этой общественной карты реальности. Возможность приблизиться к степени научной абстракции в интерпретации явлений, которая позволит включить в качестве «позиций» и философские, и даже физические или математические постулаты позволяет выявлять больше закономерностей воспроизведения образов реальности в сознании. Примером этого может служить анализ типичных «механизмов доступа» в условиях глобального одиночества [3, с.38-41].

В обоих случаях мы прибегнем к помощи следующего постулата: «Без силы нет связи, без связи нет порядка, вне порядка, наконец, нет пространства» [2, с.148] – утверждал Кант.

К категории силы в вопросе интеллектуального одиночества можно отнести творческий потенциал, уровень профессиональных навыков, социальная активность, экономические и иные ресурсы. Для механизма «снизу» именно по этому параметру будет констатирована аномия. Она ограничивает количество социальных связей и часто отягощает повседневную жизнь неспособностью преодолеть текущие проблемы. Именно то, что можно признать отсутствием «порядка». При этом вероятность получения помощи минимальна, как ввиду недостатка социальных связей и ресурсов, так и той собственной специфичностью, которая в силу социального подражания и разграничения на свой/чужой будет скорее признана обществом ненормальностью, чем нуждой. «...стереотипы мышления генетически не обусловлены – они развиваются на основе информации, приобретенной в ходе социализации. Эта информация составляет субстанцию культуры» [9, с.23-29]. То, что делает механизм «снизу» проблемой, это его циклическая природа воспроизведения порядка, отличного от принятого социальной средой. В итоге, «пространства» коммуникации нет, по крайней мере в том качестве, которое было бы способно поддержать желаемую самоидентификацию.

Этот вариант глобального одиночества не может быть уязвлен недостатком силы в категориях, которые были перечислены выше как аномичные. Можно сказать, что силой здесь выступает избыточность, точность информации, высокая упорядоченность пространства. «В процессе сохранения внутреннего равновесия организма и равновесия со средой организм сохраняет более высокий уровень упорядоченности, чем имеющийся у среды. Существом жизни и является способность сохранить различия в уровне упорядоченности, чем имеющийся у среды» [2, с. 168-173].

Число социальных связей также не должно вызывать нареканий. «Организм как открытая система сохраняет свою упорядоченность путем непрерывного динамического достижения равновесия, чему служит и получение информации» [11, с.324].

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что современный информационный обмен со средой сопряжен для человека с высоким уровнем риска, и является, своего рода, испытанием. Однако с этой проблемой справиться легче, чем с тем, что позволяет причислить к жертвам глобального одиночества: качество социальных связей, и как результат искаженное восприятие социального пространства. В этих обстоятельствах даже общественное признание может послужить поводом еще большего дистанцирования.

Трудно не заметить, что личности, попадающие в категорию одиночества «сверху» это пассионарии, подчас даже благосклонно принимаемые обществом, но не сумевшие выстроить в своем сознании его адекватное отражение. Подчас, они работают на личное благо, иногда на благо общества: «...принципы социальной справедливости могут быть разработаны только отдельными людьми, интеллектуалами, законодателями, мягкими правительствами и так далее в той мере, в какой они приближаются к тому, чтобы быть рассуждающими без самости или без идентичности. Это, однако, означает, что диалог между такими людьми не нужен, потому что, лишенные всех своих различий, такие рассуждения идентичны» [1, с.7].

Однако мы склонны полагать такое состояние проблемой, поскольку последствия действий человека или социальной группы, не интегрированной в общественные отношения непредсказуемы и бесконтрольны. «Человеческое существо – это часть целого, которое мы называем «Вселенная». Часть, ограниченная во времени и пространстве. Человек ощущает себя, свои мысли и чувства как нечто отдельное от всего остального, и это своего рода обман зрения в его сознании. Подобный оптический обман как некая линия, ограничивающая личными желаниями и привязанностью к нескольким самым близким людям.

Наша задача – освободиться из этой тюрьмы, расширяя круг сопереживания, чтобы включить в него всех живых существ и природу со всей ее красотой. Никто не может достичь этого в полной мере, однако, само стремление к этому отчасти освобождает и закладывает фундамент внутренней безопасности» [8, с.77-81].

Результаты.

В ходе вышеизложенного теоретического анализа, можно констатировать, что среди современных моделей описания картины Вселенной все более популярной становится теория эмерджентности. Задача этой теоретической модели – выстроить сопряжение квантовой механики, общей и специальной теории относительности, стандартной модели и прочих основных теорий физики в полную, фундаментальную картину дискретно отраженной в нашем сознании нарративной Вселенной.

Не вдаваясь в подробности этой теоретической модели, отметим то обстоятельство, что в основе формализма физической теории эмерджентности лежит концепция сведения реальности к слагающей ее природе информационному полю. В случае физического мира – мира значений, выраженных математическим и геометрическим кодом.

Таким образом, определяется общая почва для «физиков» и «лириков», а значит и для интегральной мировоззренческой парадигмы и обыденного, и научного знания.

Одной из теоретических предпосылок данной гипотезы является коммуникативная концепция социокультурной универсальности, обосновывающая необходимость взаимопонимания как конечной цели коммуникации и феномена одиночества.

Глобальное коммуникативное взаимодействие расширило границы имплицитной им социокультурной реальности до планетарных масштабов. «Поликультурный характер современного общества делает понятным внутреннюю дифференциацию коммуникативно-универсализирующего взаимопонимания на отдельные, индивидуально-ситуативные взаимопонимания, «семейное сходство» которых и конституирует, по сути, социокультурную универсальность» [1, с. 6-11].

Концептуальная модель мобильности современного общества как «концепция широких жизненных изменений» [8] включает в себя перемещения в разных измерениях социальной структуры, имеющих разную временную протяженность и затрагивающие разные сферы жизни.

Расширенное понимание социальной мобильности, основываясь на традициях, заложенных одним из ее основателей П.А. Сорокиным, фокусируется вокруг концепта «многомерной мобильности» - перемещений, которые совершаются одновременно в нескольких сферах жизни и которые находятся во взаимосвязи друг с другом (в сфере занятости, образования, территориального и жилищного перемещения), рассматриваемые в ракурсе единства объективной мобильности и рефлексии по ее поводу.

Одиночество «сверху» характеризуется высокой степенью социальной мобильности, а одиночество «снизу» – иммобилизацией, но это было показано механизмами доступа к общественным картам реальности [6, с.13-18].

Заключение.

Таким образом, поле научного знания все больше завоевывает социокультурный подход к мобильности, привнося в него разработки в области взаимоотношений культуры и социальных классов, тематику социального пространства, значимость локального контекста, соотношение класса и повседневного опыта и другие аспекты.

Представляется интересным придать это дополнительное измерение социальной мобильности в уже упомянутом нами некотором общем пространстве социальных коммуникаций, имеющем информационную природу.

Динамика перемещения субъекта в информационном пространстве – это относительная динамика, основанная на внутренней реакции, заданной динамике внутренней структуры и концепции достижения. «Способность к перемещению есть основное определение виртуальности масс, а сам процесс перемещения – это первый этический акт контримперской онтологии» [2].

Анализ современных дискурсов мобильности позволяет выстроить модели формирования дискурса мобильности для общностей, испытывающих проблему глобального одиночества «снизу».

Условиями формирования современных сетевых коммуникаций являются информационная избыточность и постоянное ускорение, детерминирующее необходимость мобильности.

Основным измеряемым параметром становится динамика перемещения субъекта в информационном пространстве [4, с.81-87]. Это динамика является относительной, основанной на заданной динамике коммуникационной структуры, внутренней реакции и концепции достижения.

Последние две переменные относятся к сфере когнитивных моделей, анализ которых позволяет выявить набор принципов систем принятия решений, организации опыта, протекания мышления и эмоций – того, что определяет формирование поведенческих паттернов, паттернов глобального одиночества, в том числе [5, с. 35-40].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Гречко П.К. Социокультурная универсальность в историческом бытии человека и общества. // Вест. Вятского гос. гуманит. ун-та "Философия. Социология. Культурология". - Вятка: науч. изд-во Вятского гос. гуманит. ун-та, 2014. EDN: SXSOFB
2. Земан И. Познание и информация. 1970.
3. Коркия Э.Д. Одиночество как предмет социокультурологического исследования // в журнале Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 12, 2020. DOI: 10.23672/d6308-9606-4766-n EDN: MTJJRL
4. Коркия Э.Д. Социальное одиночество как атрибут урбанистических практик в контексте вынужденной самоизоляции // в журнале Социология. М., 2021. EDN: RNPLXT
5. Коркия Э.Д. К вопросу о смысле одиночества: генезис научной мысли // в журнале Теория и практика общественного развития. № 3, 2021. DOI: 10.24158/tipor.2021.3.5 EDN: WJBLCC
6. Коркия Э.Д. Феномен одиночества: амбивалентность развития и социальные поля // в журнале Общество: философия, история, культура. № 10, 2021. DOI: 10.24158/fik.2021.10.1 EDN: VDREQY
7. Свендсен Л. Философия одиночества / Пер. с норв. Е. Воробьева. - М., 2017.
8. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты. М., 2019.
9. Уледова И.А. Социальное одиночество как духовное состояние социальных субъектов. М., 2011.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. ISBN: 5-01-001606-0 EDN: YQСММА
11. Хард М., Негри А. Империя. М., 2004.
12. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

References:

1. Grechko P.K. Sociocultural universality in the historical existence of man and society. // West. Vyatka State University of Humanities. University of Philosophy. Sociology. Cultural studies". - Vyatka: Scientific Publishing House of Vyatka State University of Humanities. University, 2014. EDN: SXSOFB
2. Zeman I. Cognition and information. 1970.
3. Korkia E.D. Loneliness as a subject of socio-cultural research // in the journal of Humanities, Socio-economic and Social Sciences. № 12, 2020. DOI: 10.23672/d6308-9606-4766-n EDN: MTJJRL
4. Korkia E.D. Social loneliness as an attribute of urban practices in the context of forced self-isolation // in the journal of Sociology. Moscow, 2021. EDN: RNPLXT
5. Korkia E.D. On the question of the meaning of loneliness: the genesis of scientific thought // in the journal Theory and Practice of Social Development. № 3, 2021. DOI: 10.24158/tipor.2021.3.5 EDN: WJBLCC
6. Korkia E.D. The phenomenon of loneliness: Ambivalence of development and social fields // in the journal Society: Philosophy, History, Culture. № 10, 2021. DOI: 10.24158/fik.2021.10.1 EDN: VDREQY
7. Svendsen L. Philosophy of loneliness / Translated from norv. E. Vorobyova. - M., 2017.
8. Social mobility in a complicated society: objective and subjective aspects. M., 2019.
9. Uledova I.A. Social loneliness as a spiritual state of social subjects. M., 2011.

-
-
10. Frankl V. *Man in in search of meaning*. M., 1990. ISBN: 5-01-001606-0 EDN: YQСММА
  11. Hard M., Negri A. *Empire*. M., 2004.
  12. Erikson E. *Identity: Youth and crisis*. Moscow, 2006.

Информация об авторе:

Коркия Эка Демуриевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ekakorkiya@mail.ru, <https://ORCID.org/0000-0003-3136-8433>

Ека D. Korkia, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.